

Рецепт на смърт

Алина Сулейманова

18+

Алина Сулейманова

Рецепт на смерть

«Автор»

2026

Сулейманова А.

Рецепт на смерть / А. Сулейманова — «Автор», 2026

Бывают в жизни моменты, когда действительность, эта великая обманщица, внезапно сбрасывает свою маску, являя взору то, что человеку не дано было видеть. Так случилось и с Марией — юным созданием, чья душа, истерзанная недавней утратой, пребывала в состоянии тяжкого сна, в том оцепенении, когда границы между явью и грезами становятся зыбкими до прозрачности. В одну из тех безлунных ночей, что так подходят для тихих драм, возвращаясь с сессии у доктора — этого современного жреца, пытающегося врачевать раны души, — она становится свидетельницей сцены, от которой кровь стынет в жилах. Из мглы, окутавшей богатый квартал, возникает тёмный автомобиль, и на долю секунды она видит лицо — бледное, искажённое безмолвным криком, в глазах которого застыла мольба о помощи. Это миг, это одно мгновение должно было перевернуть всё. Но кто поверит девушке, чёрный силуэт которой сам напоминает призрак? Чьи нервы расстроены, а взгляд устремлён внутрь себя?

© Сулейманова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алина Сулейманова

Рецепт на смерть

Глава 1

Капли и тени

Он висел в воздухе — этот мелкий, назойливый прах забвения. Капли дождя медленно оседали на асфальт, размывая границы между реальностью и воспоминанием. Мария брела по парку, не ощущая под ногами земли; казалось, будто она парит над самой собой. Год. Целый год, как мир потерял все краски, кроме серых оттенков дождя и пепла.

Ветер, резкий и беспощадный, рвал с голых ветвей последние пожухлые листья. Он был единственным, кто нарушал давящую тишину. Для всех остальных этот осенний вечер, вероятно, был просто предвестником зимы. Для Марии же он был точной копией того дня. Таким же холодным. Таким же безвозвратным.

Именно сквозь этот шум ветра, словно сквозь толщу воды, до нее донесся иной звук — резкий, живой, чужой. Скрип тормозов, приглушенный стон. Из-за поворота, плавно и бесшумно, выплыл чёрный микроавтобус. Его глянцевого бок слепо отражал угасающий свет фонаря, словно у машины не было лица, не было души. Он замер, и тишина стала звенящей.

Из машины выскочили двое в тёмных куртках. Их движения были отточенными и бездушными. Один из них резко открыл заднюю дверь, а второй силой потащил к машине хрупкую девушку в светлом платье. Она сопротивлялась, её туфли скользили по мокрому асфальту, но её грубо заталкивали внутрь.

Инстинктивно, как зверёк, почуявший опасность, Мария метнулась за шершавый, испещренный трещинами ствол старого дуба. Сердце заколотилось в унисон с падающими каплями, стекавшими с голых ветвей.

Из кармана платья девушки выпал маленький серебряный браслет-цепочка и, звякнув, покатился по склону, к ее ногам. Это была не галлюцинация. Это был единственный осколок реальности, впившийся ей в плоть.

Девушка, извивавшаяся в железной хватке, внезапно нашла в себе силы для последнего выдоха. Не крика, а именно выдоха, от которого застыл пар в холодном воздухе. И этот пар сложился в слова, которые Мария слышала сотни раз в своих кошмарах:

— Помогите!

Звук был тут же грубо оборван ладонью, прижатой к её рту. Но эхо этого слова ещё висело в воздухе, смешиваясь с шумом ветра. Похитители, не оглядываясь, резко втолкнули девушку в глубь фургона. Их внимание было всецело сосредоточено на жертве; они не видели замершую в тени за деревом Марию, не видели её широких от ужаса глаз.

Дверь захлопнулась с глухим, финальным стуком. Машина тронулась и растворилась в сумерках, словно её и не было. Давящая тишина вернулась, став теперь ещё невыносимее. Мария медленно, как лунатик, вышла из-за своего укрытия. Ноги её подкосились, и она опустилась на колени на мокрый асфальт. Именно тогда она увидела его — маленький серебряный браслет-цепочку, валявшийся у подножия дерева. Она подняла браслет. Металл был холодным, как тело Ани в ту ночь. Она сжала находку в кулаке так сильно, что зазубренный край впился в ладонь, и эта боль была сладким подтверждением того, что ей это всё не привиделось, и она не сумасшедшая.

Дождь усиливался, превращаясь из осенней мороси в колючий, пронизывающий ливень. Капли стекали за воротник, но Мария почти не чувствовала холода. Это странное отчуждение от собственного тела стало её постоянным спутником с того дня, как нашли Аню.

Врачи называли это деперсонализацией — защитным механизмом психики, не выдержавшей неподъёмной тяжести вины. Но для Марии это было не медицинским термином, а её новой реальностью. Мир потерял не только краски, но и вкус, и запах. Пища стала безвкусной массой, музыка — просто набором звуков, объятия — пустым жестом. Она существовала в плотном, непроницаемом коконе, сквозь стенки которого доносились лишь приглушённые голоса и размытые силуэты.

Особенно тяжелы были утраты. Память о сестре стала для Марии навязчивым, болезненным ритуалом. Каждую ночь она перебирала в голове их последний разговор, выискивая в нём всё новые и новые признаки, которые должна была заметить. Аня говорила, что устала, что всё бессмысленно. Но разве не все двадцатилетние так говорят? Мария отмахнулась тогда, поглощённая срочным рабочим проектом. "Выспишься, и всё пройдет", — бросила она, даже не взглянув на сестру.

Теперь эти слова звучали в её голове бесконечной прокручивающейся плёнкой. Каждое "должна была" впивалось в сознание острыми когтями. Она должна была заметить. Должна была остаться дома в тот вечер. Должна была ответить на тот последний звонок...

Её собственная жизнь раскололась на "до" и "после". "До" — это были фотографии счастливой, улыбающейся женщины с планами на будущее. "После" — это пустота, которую не могли заполнить ни терапия, ни антидепрессанты. Она перестала узнавать себя в зеркале — перед ней была бледная тень с потухшим взглядом, механически выполняющая действия для поддержания существования: встать, принять душ, сделать несколько глотков кофе.

Работа, когда-то бывшая смыслом и страстью, теперь казалась бессмысленной суетой. Она взяла долгосрочный отпуск, объяснив начальству расплывчатыми медицинскими терминами. Коллеги понимающе кивали, но в их глазах читалось непонимание. Как можно так надолго "выпасть из строя"? Они не знали, что её личный "строй" был полностью уничтожен, оставив после себя лишь выжженную землю.

И вот теперь, сидя на мокром асфальте и сжимая в ладони холодный металл чужого браслета, Мария впервые за год почувствовала нечто иное. Не просто боль или вину. Что-то острое, жгучее, почти яростное. Этот крик — "Помогите!" — пробил толщу её апатии, достигнув той части её существа, которая всё ещё могла чувствовать.

Она медленно поднялась с колен, разжимая ладонь. Браслет оставил на коже красный след — отметину, напоминание. Её пальцы сомкнулись вокруг него снова, но теперь уже не в порыве отчаяния, а со странной, вновь обретенной решимостью.

Дождь продолжал лить, но теперь он казался не слезами неба, а очищающим потоком, смывающим пыль её прежней жизни. Она повернулась и медленно пошла прочь от парка, не оборачиваясь. В её походке появилась неуверенная, но твёрдая цель. Она шла не просто сообщить о случившемся. Она шла к началу своего искупления.

Впервые за долгие месяцы в её душе шевельнулось не призрачное "что, если?", а ясное, чёткое "я должна". Должна найти эту девушку. Должна доказать, что её крик был услышан. Должна сделать то, что не смогла сделать для Ани.

И этот долг, тяжёлый как камень, впервые за год почувствовался не бременем, а смыслом.

Дождь не утихал, когда Мария, промокшая до нитки, с тугим комом отчаяния в горле, подбежала к знакомому подъезду. Пальцы дрожали, когда она нажимала кодовый замок. Лифт поднимался мучительно медленно, и она уже стучала в дверь, едва он остановился.

Дверь открыл Виктор. На нем была домашняя толстовка, в руке он держал газету. Увидев ее, его лицо сначала выразило удивление, а затем — ту самую осторожную, бережную жалость, которую Мария ненавидела больше всего.

— Маш? Что случилось? Ты вся мокрая...

Она ворвалась в прихожую, захлебываясь словами, сбиваясь, путая подробности.

— Виктор, я видела... в парке... они затолкали ее в машину, черный фургон... она кричала «Помогите!», а потом... этот браслет... — Она разжала ладонь, протягивая ему серебряную цепочку, словно это была не улика, а часть ее собственной разбитой души.

Виктор взял браслет, повертел в руках. Его взгляд был тяжелым и усталым. Он аккуратно положил безделушку на тумбочку и вздохнул, проводя рукой по лицу.

— Маша, садись. Выпей воды.

— Мне не нужна вода! — голос ее сорвался на крик. — Ты меня слышишь? Ее похитили! Прямо на моих глазах!

— Я слышу тебя, — его голос оставался предательски спокойным. Он положил ей руки на плечи, стараясь усадить. — Сегодня трудный день. Годовщина. Ты сама говорила, что последнее время тебе тяжело, что сны...

— Это не сон! — она вырвалась из его хватки, отступая к стене. — Я была там! Я видела! Она смотрела на меня... у нее были глаза Ани!

И тут его лицо изменилось. В глазах мелькнуло то самое понимающее, сочувственное сожаление, которое обожгло ее сильнее крика. Он мягко, почти по-отечески, покачал головой.

— Маш... Милая. Ани больше нет.

Эти слова повисли в воздухе, ледяные и безжалостные.

— Это не ее призрак на улице, — он произнес следующую фразу тихо, но каждое слово вонзилось в нее, как лезвие. — Это твоя боль. Она так с тобой говорит.

Мир рухнул. Не ярость, не возмущение — лишь леденящая пустота, затопившая ее с головой. Он не просто не поверил. Он объяснил ее реальность симптомом, свел весь ее ужас, всю ясность того мгновения к приступу болезни. Он смотрел на нее не как на свидетеля, а как на пациентку, которую нужно успокоить и уложить в кровать.

Она отшатнулась от него, больше не в силах выдержать этот взгляд.

— Я была там, — прошептала она, и голос ее был чужим и надтреснутым. — Я все видела.

Развернувшись, она выбежала обратно в подъезд, хлопнув дверью. Словно в тумане, она спустилась по лестнице и вышла на улицу. Дождь все лил, но она его не чувствовала. Фраза Виктора жгла изнутри: «Это твоя боль». Он отнял у нее правду. Он отнял у нее свидетельство. Но хуже всего было то, что крошечный, отравленный червячок сомнения уже просыпался внутри: «А вдруг... вдруг он прав?»

Она посмотрела на сжатый кулак. Браслет все еще был там. Холод металла был единственным, что ощущалось реально. И тогда, стиснув зубы, она медленно, очень медленно покачала головой.

«Нет, — сказала она себе, и в этом слове впервые зазвучала не истерика, а твердая, холодная решимость. — Нет, это было реально. И если ты мне не веришь, я докажу это всем».

Виктор Анатольевич Орлов служил участковым в этом районе пятнадцать лет. Он знал здесь каждую подворотню, почти каждого жителя — сначала по долгу службы, а потом и просто по-соседски. Он был из тех, кого называют «костяком» системы — не блестящим следователем, не обладателем звёздных погон, но надёжным, как швейцарские часы, сотрудником. Он верил в устав, в протокол, в незыблемость фактов. Его мир был выстроен по линейке: заявление — проверка — решение. И этот мир начинал давать трещины с тех пор, как в его жизни появилась Мария с её размытой реальностью и призраками прошлого.

Он знал её с тех пор, как она, смешная девчонка с бантами, бегала по двору с младшей сестрёнкой Аней. Он был другом их семьи, бывал на праздниках, давал отцу, своему товарищу, слово присмотреть за девочками, когда того не стало. И он старался. После трагедии с Аней именно Виктор взял на себя все хлопоты — вызов скорой, оформление документов, организация похорон. Он же, видя, как Мария уходит в себя, уговорил её обратиться к психотерапевту и всё это время исправно интересовался её состоянием. Его забота была тяжёлой, плотной, как свинцовое одеяло. Он искренне считал, что знает, что для неё лучше. И сейчас он был уверен — её истерика была срывом, обострением на почве годовщины. Её нужно было успокоить, а не потакать её бреду.

Тем временем Мария, с мокрыми волосами, прилипшими к щекам, и горящими лихорадочным блеском глазами, уже входила в знакомое здание районного отдела полиции. Запах дезинфекции, старого линолеума и чего-то безлично-казённого ударил ей в нос. Она подошла к дежурному, высокому сероглазому сержанту с равнодушным лицом, и, пытаясь говорить чётко, но срываясь на шёпот, изложила всё, что видела.

— Чёрный микроавтобус, «Форд», без номеров, — повторяла она, вглядываясь в неподвижное лицо сержанта. — Двое мужчин, в тёмном... Девушка, светлое платье... Она кричала...

Сержант лениво водил пальцем по клавиатуре, изредка задавая уточняющие вопросы.

— Приметы девушки?

— Я... я не очень хорошо разглядела. Она была худенькая. Светлые волосы, кажется...

— Приметы мужчин? Рост, телосложение, черты лица?

— Они были в капюшонах... Я не видела... Но один был повыше, другой пониже...

— А где именно это было? Улица, номер дома?

— В парке... у центральной аллеи... Там нет номеров домов...

Она видела, как его интерес тает с каждым её неуверенным ответом. Её слова, такие яркие и жгучие внутри, на воздухе превращались в хрупкие, беспомощные пузыри. Она чувствовала, как её доказательства тают, как лёд на тёплой ладони. Её голос становился всё тише, пока она не замолчала, глядя на него с мольбой.

Сержант откинулся на спинку стула.

— Гражданка, без более точных примет, без номера машины... Вы понимаете, мы не можем даже ориентировку составить. Может, вам просто показалось? — Он посмотрел на её мокрую, взъерошенную фигуру и блестящие глаза. — Может, вам домой отдохнуть? Выглядите неважно.

В этот момент вошел Виктор. Коллега, позвонивший ему, кивнул в сторону Марии и тихо бросил:

— Вит, там твоя подопечная, кажется. Какую-то дичь про похищение несёт.

Лицо Виктора потемнело. Он резко развернулся и направился к ней. Он взял её под локоть, и его хватка была твёрдой, не оставляющей пространства для протеста.

— Мария. Пошли.

— Но я не... Они должны... — попыталась она вырваться, но он уже вёл её к выходу, кивнув на прощание сержанту: «Я разберусь, Сергей».

Он не говорил ни слова, пока они не вышли на улицу. Дождь почти прекратился. Он отпустил её руку и повернулся к ней, и на его лице читалась смесь усталости, раздражения и той самой невыносимой жалости.

— Что ты себе позволила? Ярить на весь отдел? Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?

— Я пыталась сделать то, что должно! — выдохнула она, и слёзы наконец хлынули из её глаз, горячие и горькие. — А ты... ты просто увел меня, как ребёнка, которого нужно отчитать!

— Потому что ты ведёшь себя как ребёнок! — его голос впервые зазвучал резко. — Ты врываешься в отдел с историей, которую не можешь подтвердить ни одним фактом! Ты компрометируешь не только себя, но и меня! Меня, который за тебя в ответе!

Он видел, как дрожат её плечи, и его тон смягчился. Он вздохнул.

— Маша. Пойми. Я не могу слепо верить твоим словам. Я — полицейский. Мне нужны факты. Доказательства. А их нет. Есть только твоё... состояние.

Он не назвал это «бредом», но слово повисло в воздухе. Мария смотрела на него, и в её глазах гас последний огонёк надежды. Он не просто не верил ей. Он видел в ней проблему, помеху, неудобство.

— Хорошо, — прошептала она, отступая на шаг. — Хорошо, Виктор Анатольевич. Больше я к тебе не приду.

Развернувшись, она пошла прочь, оставив его стоять под моросящим дождём. Он смотрел ей вслед, сжав кулаки, и впервые за долгое время почувствовал себя не защитником, а тюремщиком, запершим её в клетке её собственной болезни. И смутная, неприятная тревога начала точить его изнутри. А вдруг... Но нет. Факты были на его стороне. Должны были быть.

На следующее утро в дверь Марии настойчиво постучали. Она не хотела открывать, узнав через глазок знакомую фигуру в форменной куртке. Но стук повторился — терпеливый, но неумолимый.

— Мария, я знаю, что ты дома. Открой. Поговорим.

Голос Виктора звучал спокойно, без вчерашней раздраженности. Она медленно повернула ключ. Он вошел, снял ботинки и внимательно оглядел ее. Лицо Марии было бледным, но выражение — твердым, почти отрешенным.

— Я принес тебе завтрак, — он протянул пакет с круассанами и соком. — И поговорить хотел. Насчет вчерашнего...

Вдруг его взгляд упал на ее руку. На левом запястье, поверх тонкой кофты, мерцал тот самый серебряный браслет-цепочка.

Виктор замолчал на полуслове. Его лицо выразило сначала недоумение, затем — настороженность.

— Маша... Это же тот браслет? Тот самый? — Он сделал паузу, тщательно подбирая слова. — Зачем ты его надела? Это же... вещественное доказательство. Если бы это было настоящим преступлением, его нужно было бы сдать в отдел.

Мария не ответила. Она стояла, повернувшись к нему вполоборота, и продолжала смотреть в окно, где по стеклу стекали капли дождя. Ее молчание было плотным, почти осязаемым.

— Мария, — его голос стал жестче, профессиональным. — Ты понимаешь, как это выглядит? Ты приходишь с историей о похищении, но при этом носишь якобы улику как украшение. Ты сама делаешь свою историю неправдоподобной.

Она медленно перевела взгляд с окна на него. В ее глазах не было ни вызова, ни оправдания — лишь ледяная, отстраненная ясность. Она молча смотрела на него, и этот взгляд был красноречивее любых слов.

Виктор почувствовал, как его уверенность начинает давать трещину. Возможно, это был просто болезненный символ для нее. Возможно — что-то большее. Но сейчас он видел перед собой не истеричную женщину, а человека, принявшего какое-то важное, внутреннее решение.

— Ладно, — наконец сказал он, отводя взгляд. — Я даю тебе слово. Если в ближайшие дни поступит заявление о пропаже девушки, подходящей под твоё описание, я лично займусь этим делом. Обещаю.

Мария снова повернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

— Пожалуйста, позвони, если... если тебе что-то понадобится, — тихо добавил он, чувствуя всю бессмысленность этих слов.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Когда шелкнул замок, Мария подняла руку и дотронулась до браслета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.